

дан, окрестные высоты получают название гор Елеонской и Фаворской с постройкой на них соответствующих часовен. Аналогичные комплексы были воспроизведены на Белом море (Валдайский, Иверский и Крестный монастыри). Подобное воспроизведение текста Библии в земных реалиях и в таком масштабе было необыкновенно даже для Византии, покоряющей европейцев своими мистическими строениями и мистикой реальностью в течение всего Средневековья.

Никон стремился организовать отношения между церковью и государством так, чтобы церковь и патриарх занимали главенствующую роль, ибо только так, по его мнению, возможно построение истинной великой империи, которая постепенно объединит все славянские государства и, вообще, весь православный мир. С 1653 г. Никон получает право от Алексея Михайловича именоваться «Великим Государем»; со временем титул Никона становится еще более пышным — «Никон, Божьей милостью, великий господин и государь, архиепископ царствующего града Москвы и всея Великия, и Малыя, и Белаыя России и всея северные страны и помория и многих государств патриарх...».

Идея создания великой империи была одной из причин реформы обряда, которую Никон со всем жаром души своей, решил осуществить. Мечты о православной империи с центром в Москве делали вопрос разночтений устава и обряда уже не только русским делом, но и делом вселенским. Если судьба Москвы — стать столицей великой славянской православной империи, то и устав церковный должен соответствовать будущему великому предназначению. Результат — раскол.

По сути, столкновение партии Никона и старообрядцев есть столкновение идеи великой православной империи и учения «Москва—Третий Рим».

Исторически оба движения оказались несостоятельными.

Мечта раскола была мечтой о здешнем Граде, граде земном. Это была теократическая утопия, в основе которой — вера в то, чтобы мечта осуществилась под видом Московского государства. Когда Никон заявил, что он русский, но вера его греческая, он нанес последний удар по идее «Москва—Третий Рим», так как греческая вера представлялась в связи с историческими событиями (военными и политическими неудачами) не совсем истинной и не совсем православной, в отличие от русской. А истинная вера связана с истинным царством, и наоборот. Следовательно, реформы Никона и Алексея Михайловича свидетельствуют о конце истории. Именно так это и воспринималось идеологами раскола. Поэтому раскол и призывал в пустыни из мира, погрязшего в грехе, опровергал возможность построения в сложившейся ситуации православного государства.

Возникает вопрос, а возможна ли была эта великая православная империя, готовы ли были сами славяне к ней? О многом заставляют задуматься слова К. Н. Леонтьев, который в конце XIX столетия писал в своей знаменитой работе «Византизм и славянство»: «Что такое славизм? Ответа нет! Славизм можно понимать только как племенное этнографическое отвлечение, как идею общей крови и сходных языков» (Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского. СПб., 1991. С. 200). Идея всеславянской империи оказалась утопией, которая не могла осуществиться не по политическим причинам, не по экономическим, не по каким-либо другим. Но она владела умами, более того — явилась одной из причин начала реформ патриарха Никона и Алексея Михайловича, которые привели не только к церковному расколу, но и к расколу историческому.

ТРАВМЫ ИСТОРИИ: предвоенные и военные годы на Севере Сибири

В.П. Ляушин

Ляушин Вадим Петрович — кандидат исторических наук, доцент, зам. начальника по науке Уральского юридического института МВД России по научно работе

Период 20-40-х гг. в истории Севера был сложным и противоречивым. Именно в этот период здесь проявились самые негативные последствия тоталитарного режима: социально-политические противоречия, конфликты, коррупция и произвол чиновников.

Установление Советской власти на Севере сопровождалось экспроприациями, репрессиями против торгово-купеческих слоев, являвшихся основными поставщиками товаров для коренного населения. Это привело к разрыву традиционных связей, тяжелому экономическому положению региона, находящегося в зависимости от поставок извне.

Первые серьезные столкновения с Советской властью произошли во время крестьянского восстания 1921 г., когда население Обского Севера выступило против большевистской диктатуры. Повстанцы из зырянской деревни Ошворы уничтожили красноармейский отряд под командованием Сосунова, отступавший из мятежного Обдорска. Поддержка местного населения во многом пре-

допределила успех повстанцев на Обском Севере.

Только использование регулярных войск позволило Советской власти подавить восстание на Обском Севере. В целях устрашения местного населения красноармейские отряды прибегали к карательным действиям. Так, полностью были сожжены хантыйские юрты Туш-Бож, Нанг-Ям, Собь и Лох-Пот-Горт, жители которых не могли восстановить свое хозяйство вплоть до 1927 г. Казни прошли в Березово и Обдорске, где было расстреляно более ста ни в чём не повинных людей. Тюменский губком РКП(б) поручил ОГПУ выслать с Севера все антисоветские элементы. В начале 20-х гг. с Обского Севера было депортировано значительное число русских. Зажиточное туземное население, не принявшее большевистской власти, также подвергалось гонениям.

В то же время, восстание 1921 г. на Обском Севере заставило власть решать социальные вопросы, пойти на создание органов местного самоуправления. Проблема местного самоуправления широко обсуждалась в среде коренных народов.

Учитывая настроения аборигенов, Советская власть пошла на сотрудничество с ними по вопросам местного самоуправления. В конце 20-х гг. на Обском Севере было создано 12 туземных советов, 72 родовых и юртовых совета. Эти мероприятия позволили снять остроту противоречий, но не решили всех проблем Севера.

В то же время утверждение Советской власти в самых удаленных районах Севера и во всех сферах жизни сопровождалось разрушением самобытного уклада национального населения, что неизбежно приводило к противоречиям. Так распространяющаяся советская правовая система вытесняла обычное (традиционное) право коренных народов Севера.

С переходом к НЭПу ситуация вновь обострилась. В частности, коренное население, привыкшее платить только один налог (подушный), в новых условиях было обложено различными поборами, что вызывало недовольство.

В это же время обострились противоречия на экономической почве между национальным населением и русским, которое активно осваивало промысловые угодья аборигенов, заселяло места их традиционного проживания. Ситуацию обострило решение Уралсовета в 1928 г. о предоставлении русскому населению льгот на способы охоты, которые ранее имели только народы Севера. В этих условиях коренным народам приходилось менять места проживания, промысла и откочевывать дальше в тундру.

Со второй половины 20-х гг. Север стал местом ссылки для репрессированных. К августу 1928 г. в Тобольском округе насчитывалось более 1,5 тысяч административно-ссыльных. С прибытием репрессированных в округе обострились социально-политические проблемы, выросли цены на жилье и продукты питания. Социальную напряженность усиливало и то, что более 10% ссыльных не могли трудоустроиться, существовали за счет продажи личных вещей и подаяний местных жителей.

Бесправное положение, бытовая неустроенность, материальные и моральные трудности административно-ссыльных и спецпереселенцев позволяли работникам ОГПУ чинить в отношении этих категорий населения произвол, что создавало благоприятные условия для коррупции. Работники То-

больского ОГПУ, угрожая физической расправой и немедленной отправкой в отдаленные районы Севера, занимались вымогательством и взяточничеством с репрессированных и переселенцев, отбирали у них личные вещи, ценности и деньги.

Кроме того, используя служебное положение в целях извлечения личной выгоды, руководство ряда отделов ОГПУ на Севере фальсифицировали финансовые документы, по договоренности с вышестоящими начальниками создавали неучтенные денежные «фонды». В круг лиц, причастных к формированию теневого «фонда», входили начальник СО ПП ОГПУ по Уралу Шиманкевич, заместитель начальника ПП ОГПУ по Уралу Нодев, начальник Тобольского окружного отдела ОГПУ Заикин, заместитель начальника Тобольского окружного отдела ОГПУ Наговицин, уполномоченный ОГПУ по Обдорскому району Субботин, уполномоченный ОГПУ по Самаровскому району Мингалев, уполномоченный ЭКО Попов.

Способы создания «фондов» были различными. Один из них заключался в том, что составлялись фиктивные ведомости на выдачу пособий репрессированным и на проезд к месту ссылки, а отпущенные на эти цели денежные средства незаконно присваивались руководством ОГПУ. Так, в 1927 г. пособие административно-ссылным выдавалось по нормам от 5 до 6 рублей 25 копеек, а в Тобольском окружном отделе ОГПУ ведомости составлялись на сумму от 15 до 50 рублей. Фактически же Тобольский ОГПУ осуществлял отправку ссыльных на Север за свой счет, а отпущенные для этих целей средства присваивались начальником ОГПУ Заикиным, часть из которых ценными мехами передавалась вышестоящему руководству в Свердловск и Москву.

Под предлогом оперативно-розыскной деятельности сотрудники ОГПУ незаконно получали бланки Уралторга, что позволяло им составлять фиктивные счета на приобретение материальных ценностей, одежды, обуви и т.д. Кроме того, руководящие работники ОГПУ присваивали вещественные доказательства и конфискованные у преступников материальные ценности.

По ряду фактов можно судить, как распределялись незаконно полученные средства. Так, начальником Тобольского ОГПУ Заикиным было присвоено до 1700 рублей, для заместителя ПП ОГПУ по Уралу Нодева было закуплено и отправлено в Свердловск пушнины на 2 тыс. рублей, члену коллегии ОГПУ Андреевой из Москвы были переданы меха на сумму более 500 рублей и материальные ценности, конфискованные у бандита Рочева. Незаконное списание средств по отдельным счетам порой составляло от 1300 до 1500 рублей.

Обратимся теперь к травмам, нанесенным тоталитарным режимом народам Поволжья в годы Великой Отечественной войны.

Первыми под удар тоталитарной системы попали советские немцы. 28 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», в котором сообщалось: «По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья».

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы.¹ В результате проведенной акции автономная республика немцев Поволжья была ликвидирована.

В прежние годы подобные действия властей в 1941 году объяснялись крайне сложной ситуацией на фронте и стремлением избежать провокационных действий со стороны «пятой колонны». Однако для подобного рода опасений и репрессивных действий не было никаких оснований, так как десятки тысяч советских немцев находились в рядах действующей Красной Армии, а среди оставшегося немецкого населения в Поволжье большинство составляли женщины, старики и дети. Впоследствии красноармейцы немецкой национальности были отозваны с фронта и направлены в трудовые армии.

Следует отметить, что Указ носил противоречивый характер. С одной стороны, в нем сообщалось, что среди немцев Поволжья были десятки тысяч диверсантов и шпионов, а с другой — переселенцам, в том числе врагам и изменникам Родины, предлагалось оказание государственной помощи. Формально Указ касался только немцев Поволжья, но фактически под его действие попали все граждане немецкой национальности. Местами расселения советских немцев стали северные районы Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев, Казахстана и другие территории с суровыми климатическими условиями.

В конце 1943 года на основе огульного обвинения калмыцкого народа в сотрудничестве с оккупантами была упразднена Калмыцкая АССР. Фактически весь народ был незаслуженно обвинен в предательстве и выселен в районы Сибири, Казахстана, Киргизии и Узбекистана. Только на территории Омской области прибыло 26994 гражданина калмыцкой национальности¹, из них на Обский Север — 4700 семей (14174 чел.)².

На Обском Севере калмыцкое население, испытывая большие лишения, осваивало нетрадиционные виды хозяйственной деятельности на рыбодобыче и лесозаготовках. Жизнь в условиях значительной скученности, высокая норма выработки, недоедание при крайне низком обеспечении продовольствием и предметами первой необходимости привели к высокой смертности среди калмыцкого населения. Согласно официальной статистике в первые пять лет смертность калмыков превышала рождаемость в 6,1 раза³.

В конце 1943—начале 1944 г. была совершена несправедливая акция по отношению к ряду народов Северного Кавказа и крымским татарам. Кроме того, в 1944 г. высшим политическим руководством Советского Союза рассматривался вопрос о переселении в Сибирь карел, финнов и вепсов⁴.

Ликвидация в годы Великой Отечественной войны национальной государственности ряда народов СССР, массовое принудительное переселение сотен тысяч людей в отдаленные районы страны привели к серьезным деформациям в национальной политике и социальным противоречиям в условиях тоталитарного режима.

Одним из источников социальных деформаций на Севере Сибири было наличие многочисленных слоев спецпереселенцев. С 1941 г. к уже имеющемуся «спецконтингенту» стали прибывать представители репрессированных народов. Их жизнь на Севере характеризовалась бытовой неустроенностью и политической дискриминацией.

В силу сложившихся обстоятельств спецпереселенцы стали источником социальной напряженности. Это было обусловлено тем, что некоторые спецпереселенцы, озлобленные репрессиями, распространяли пораженческие настроения среди аполитичной части населения. Так, высланные на Обский Север бессарабцы вели разговоры о том, что «с приходом немцев и здесь жить будет гораздо лучше»⁵.

Проводя массово-политическую работу с населением, партийные комитеты Севера Сибири учитывали сложную социальную обстановку в округах. Потускневшая на фоне гитлеровского вторжения тема «внутреннего врага» вновь получила развитие в пропагандистской работе. В выступлениях агитаторов и пропагандистов перед населением новая волна спецпереселенцев квалифицировалась как пособники фашистов, поэтому в отношениях с ними рекомендовалось соблюдать бдительность.

Партийные и комсомольские организации развернули кампанию за повышенную бдительность, которая в ряде мест переросла в шпиономанию. В результате на первом этапе войны патриотический порыв спецпереселенческой молодежи встать на защиту Родины пресекался решительным образом партийной пропагандой, основывающейся на предубежденности и на довоенных установках по отношению к данной категории населения.

Определенную напряженность в среду спецпереселенцев вносили ограничения на получение образования и выбор профессии. Так, 12 июля 1942 г. Омский облисполком принял специальное постановление «О призыве молодежи в школы ФЗО», где указывалось, что «в цеха завода не будет допускаться молодежь, родители или близкие родственники которой привлекались к судебной ответственности или были раскулачены, арестовывались по разным причинам». Впоследствии на основании директивы НКВД СССР от 25 мая 1944 г. дети спецпереселенцев, направленные в школы ФЗО и ремесленные училища, снимались с учета спецнаселения⁶.

Среди причин, вызвавших социальные противоречия и конфликты на Севере Сибири, можно выделить чрезмерное усиление репрессивных сторон командно-административной системы, элементы внеэкономического принуждения и различные формы социального неравенства.

Заметным явлением на Севере Сибири в годы войны были антиколхозные настроения и действия, что подтверждается рассекреченными архивными документами.

Своеобразной формой социального протеста можно считать распространение различных антиколхозных высказываний. Среди сообщений 1941 г. в Омский обком ВКП(б) «О политических настроениях в Северных округах» имеется информация о гражданке Е.Г. Баландиной из д. Чембакино Самарского района, которая вела разговоры следующего содержания: «В существующих колхозах беспорядок. Вот скоро придет немец, наве-

дет свои новые порядки, и жить будет легче». В д. Большие Юрты И.П. Волков заявил: «Все равно нам придется жить единоличниками, поэтому колхоз укреплять незачем»⁷.

Произвол торгово-снабженческих организаций существенно осложнял обстановку и вносил напряженность в обеспечение населения Севера Сибири продовольствием. Так, в 1942 г. распоряжение треста о снятии со снабжения продовольствием колхозников-рыбаков привело к стихийному социальному протесту среди коренного населения Ямало-Ненецкого округа. В результате коренное население 51 хозяйства покинуло места лова и ушло в тундру. Впоследствии сотрудниками НКВД было сфабриковано дело об антисоветском выступлении, и проблема из экономической плоскости была перенесена в политическую.

В реальной действительности того времени существовало социальное неравенство между рядовыми тружениками и партноменклатурой, социальная защищенность которой даже на самых нижних ступенках управленческой иерархии была намного выше, чем колхозника или рабочего. На основе постановления СНК СССР от 12 июля 1943 г. «О снабжении руководящих работников партийных, комсомольских, советских хозяйственных и профессиональных организаций» бюро Ханты-Мансийского окружного ВКП(б) от 22 сентября 1943 г. разработало правила, установило нормы (см. таблицу) и определило порядок снабжения управленцев различных рангов⁸.

Наименование продуктов (грамм)	Группа		
	1-я	2-я	3-я
Крупа	4500	3500	1200
Сахар	1600	1350	-
Жиры	2000	1600	400
Мясо (рыба)	9800	8000	1800
Овощи	3000	3000	5000
Картофель	7000	7000	10000
Хлеб (в день)	200	200	-

Факт социального неравенства осознавался всеми категориями населения Обского Севера. Для наглядности можно привести высказывание гражданина П.Т. Смирнова из села Реполово: «Война, пуская воюют коммунисты, они хлеб получают без нормы, а мы голодаем и если пойдем воевать — власть будет в наших руках и хлеба будет у нас вдоволь». В результате местные и областные партийные органы были вынуждены как-то реагировать на поток писем, в которых граждане просили объяснить наличие закрытых партраспределителей.

Факт социального неравенства осознавался и представителями привилегированных слоев Севера Сибири. Так, в письме работников НКВД п.

Аксарка Ямало-Ненецкого округа в Омский обком ВКП(б) сообщались следующие факты о наличии социального неравенства: «... в п. Аксарка имеется два магазина. Магазин № 2 считается закрытым распределителем, в котором прикреплены ответственные работники района и домработницы этих работников. Магазин № 1 считается общедоступным... Мы довольствуемся в магазине № 1 совместно со спецпоселенцами и прочим населением. Просим разъяснить, есть ли закрытые распределители, кто к ним прикрепляется? ... а то весьма унижительно получать меньше даже иждивенцев и домработниц»⁹.

Слабая информированность населения Севера Сибири приводила к социальным противоречиям и конфликтам. В средствах массовой информации продолжался тщательный отбор информации под предлогом мифического спокойствия населения, предотвращения паники или в целях секретности. Граждан, распространяющих информацию противоположную официальной, на основе Указа Президента Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. привлекали к уголовной ответственности. Так, гражданку М. Сабаеву из Ханты-Мансийского округа осудили за то, что она, вернувшись из Омска, поделилась увиденным: «Омск завален ранеными!». На митинге в д. Кальмано Микояновского района гражданин А.С. Коновалов выступил с критикой в адрес руководства ВКП(б), заявив, что партия допустила ошибку, заключив с Германией Пакт о ненападении. Суждения подобного рода расценивались как антисоветские выступления, за которыми следовала расправа. Людей судили за вопросы, на которые они не получали ответа от представителей власти. В Ханты-Мансийске медицинские работники высказали сомнение: «...вот патриотизм у нас большой, а города сдаем немцам»¹⁰, что было квалифицировано как антисоветская вылазка.

¹ Бугай Н.Ф. 20–40-е гг.: Депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 47.

² Очерки истории Тюменской области / Отв. ред. В.М. Кружинов. Тюмень, 1994. С. 197.

³ Земсков В.Н. Заключенные спецпереселенцы, ссыльно-переселенцы, ссыльные и высланные // История СССР. 1991. № 5. С. 163.

⁴ Исторический опыт партийной работы в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Межвуз. сб. науч. ст. Петрозаводск, 1990. С. 121.

⁵ Ляушин В.П. Социально-экономические противоречия на Обском Севере в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1997. Ч. 2. С. 6.

⁶ Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» в послевоенное время // Социс. 1992. № 8. С. 8.

⁷ ООЦДНИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 258. Л. 87–88.

⁸ Ляушин В.П. Война и молодежь. Екатеринбург, 1999. С. 117.

⁹ Там же. С. 131–132.

¹⁰ ООЦДНИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 260. Л. 52–53.